

ЕРИЧЕВ АЛЕКСАНДР

КНИГА ПРОКЛЯТОГО МЕЧА

16+

Единый мир

Александр Еричев

Книга проклятого меча

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Еричев А. А.

Книга проклятого меча / А. А. Еричев — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Единый мир)

ISBN 978-5-532-05499-8

Он хотел вернуться домой, откуда был изгнан с позором. Его прельщала мысль завладеть древними артефактами, о которых ходило множество легенд в Едином мире. Но когда он их нашёл, то вернул в мир великое зло, обрушив на себя проклятие Тёмного. И теперь куда бы он ни пошёл, всюду лишь смерть. Но всё изменилось, когда юная девушка, осиротевшая из-за его жестокости, решила отомстить за смерть отца.

ISBN 978-5-532-05499-8

© Еричев А. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Вступление	5
Глава первая	6
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вступление

Уже который раз он говорил себе не смотреть под ноги, но взгляд вновь и вновь самопроизвольно опускался в чернеющую бездну, по краю которой он продирался. И знать бы наверняка – стоило ли вообще добираться до Пика Холода через заснеженные равнины с их недружелюбными хозяевами, взбираться на холодные стены гор, рискуя насмерть разбиться, не говоря уже о прохождении через мертвый город, ради призрачных артефактов, которых никто не видел, но почти всякий о них слышал. «Если об этом говорят, значит, это есть, но вопрос в том, насколько слова преувеличивают действительность?!» – утешал он себя, прижимаясь спиной к обледенелому склону легендарного Пика. Со времен Разделения земель ни один смертный не добирался даже до равнин Фризенхайра, окружающих с востока и юга некогда столичный, а ныне мертвый город-призрак, лежащий у подножия гор, именуемых Вершинами Льда. Именно там, на самом высоком пике, располагалась пещера, превращенная темным чародеем в некое подобие храма. Фризенхайр стал усыпальницей для столицы канувшей в лету империи Шардра. Руины одного из древнейших городов мира теперь были забыты и погребены в вечных снегах этих земель. Сколько тайн, сколько легенд, сколько надежд...

– Они будут моими, и плевать мне на проклятия, – процедил он сквозь стучащие от холода зубы.

Он слышал все легенды о могуществе, которое будет даровано нашедшему вход в сердце Шардра, когда путешествовал по Единому миру. И знал, что вместе с ним падет проклятие, страшнее которого не может придумать даже воспаленный разум равнинного шамана, перебившего кровавого варева... Но его это не страшило. Ничто действительно стоящее просто не дается.

Он совершил невозможное и пока еще жив. Он здесь, посреди Фризенхайра, в самой высокой его точке – на Пике Холода. Он – человек, простой смертный, совсем скоро станет по могуществу сравним с богами. Никто, ничто его теперь не остановит.

– Да что уж там, я и стану богом... – хищно ухмыльнувшись, он проверил свой меч и шагнул под свод пещеры, темный и холодный, но столь многообещающий...

«Затем я вернусь домой. Им придётся принять меня».

Глава первая

Мысли

Она не боялась, ведь он не знал о ней. Она была уверена в этом. На всем многомильном пути от своей деревни до рощи папоротников она тенью следовала за ним. Как она его ненавидела... и еще больше боялась. Сколько раз у нее возникало желание развернуться и признать невозможность задуманного. Но горечь и боль утраты не оставляли ее. Мечь – вот единственное лекарство, чтобы снова жить как раньше. Чтобы вставать с утра с рассветными лучами, умываться в реке у их домика, завтракать с семьей, а потом идти с отцом в поле, помогать ему собирать урожай, сеять, собирать, сеять... Но семьи больше не было. И отца больше не было. А виновник такого оборота дел сейчас шел, преследуемый ею, сея смерть везде, где появлялся. «Вот как сейчас», – пронеслось у нее в мыслях.

И в самом деле, на пути у преследуемого возник огромный рост мужчины в весьма хороших и прочных с виду доспехах. Его гладко обритая голова отражала свет почти так же ярко, как и его нагрудник. Его огромные мускулистые ручищи сжимали внушительных размеров меч. Возвышаясь над своим противником подобно боевому слону над тигром, он что-то проговорил тому. Обменявшись короткими фразами, они приняли боевые стойки. Оба были одной школы, как подметила наблюдавшая девушка. Она уже видела такие стойки, правда, очень редко. Ее отец был мастером школы свирепого удара и иногда учил свое дитя боевому мастерству. «Самая сильная школа, самая суровая и самая действенная», – как говорил он ей зачастую.

Между тем, верзила сделал молниеносный выпад в сторону противника, причем это движение было почти неуловимо взглядом, и, казалось, от него невозможно защититься, но... Но что потом произошло, она не смогла толком понять. Шаг в сторону, захват руки, удар рукоятью и резкое движение мечом, которое перерезало горло умелого воина, а вместе с горлом и его линию жизни. Огромное тело рухнуло в конвульсиях в пыль дороги, прямо у ног победителя, который (к немалому удивлению и презрению наблюдающей девушки), даже не обтерев кровь с лезвия, сунул меч в ножны, поднял наплечный мешок и, не оглядываясь, зашагал твердой походкой далее, как будто ничего и не случилось.

Происшедшее вновь поразило ее своей стремительностью. Преследуемый был более чем быстр, небывало силен, хладнокровен и обладал боевой хитростью. Что она может противопоставить ему, она – хрупкая девушка, которой лучше бы наряжаться в платья, а не прятать отцовский кинжал в голенище сапога, надеясь использовать его как орудие отмщения?! Нет, сказала она себе. Она выждет, когда он доберется до рощи. И прикончит его во сне. Пусть это не так честно, как всадить кинжал ему в грудь в честной схватке, но иначе у нее попросту нет шансов. Выждав, когда удаляющийся человек будет на безопасном от нее расстоянии, девушка осторожно двинулась следом, стараясь не высовываться из придорожных кустов, а когда тех не было поблизости – ждала чуть подольше и шла далее, стараясь не упускать из виду далекий темный силуэт...

* * *

Костер слегка потрескивал и искрил. Тепла он давал немного, да большего и не требовалось. Кругом на поляне росли папоротники, достигающие нормальному человеку до плеч. Сама же роща представляла собой лес папоротников-гигантов, не поддающихся охвату, уходящих высоко вверх. Ночь уже накрыла всё своим темным покрывалом, дав солнцу время обойти другую грань мира.

Ночь следует за светом по пятам. Как и за ним самим. Он вздрогнул, потом сжал в кулаке зеленый камень, висевший на его шее. Раскрыв ладонь, он в который раз принялся вглядываться в грани камня, отражавшие танец пламени костра. Сколько душ томилось там? Он не мог сказать. Этот камень старше этого мира, это точно. И переживет его закат. Его история пугающая, но этот плоский холодный предмет давал носившему его успокоение, надежду на спасение... Спасение от того, кто шел за ним по пятам уже много времени, заставляя его пребывать в страхе. Он снова содрогнулся и попытался думать о чем-либо другом.

«Девчонка захочет сегодня расквитаться со мной, я уверен в этом. Ведь не может же она ждать еще дольше. Нетерпение и страх подгоняют ее, ей хочется мести... Нет, ей хочется вернуться к нормальной жизни. Черт, как я ее понимаю. Жаль будет ее убивать... Еще одна душа, принесенная в жертву проклятому камню проклятым мечом...» – так он и не смог направить мысли в другое русло. Как и много ночей до этого. Как и много лет...

Притворившись спящим, он лежал, завернувшись в свой плащ. Костер всё еще трещал, отпугивая от странника диких зверей. Некоторое время ничего не происходило. Потом он почувствовал какое-то движение. Не увидел, а именно почувствовал. Тот, кто прятался в папоротниках, действовал мастерски, бесшумно и незаметно. «Во всяком случае, никто другой бы не заметил».

Ближе, ближе, еще ближе... Не торопясь и очень осторожно к нему кто-то подбирался. «Вот, решающий момент: теперь либо она развернется и уйдет, либо набросится на меня с ножом, причем последнее она должна будет сделать очень быстро и так же бесшумно. Какой грацией долж...» – его мысли оборвались. Пора было действовать. Он был бы рад дать ей себя убить, но не мог этого позволить. Ловко вскочив на ноги, он понял, что чуть было не опоздал. Уходя из-под удара кинжалом, он, в свою очередь, ударил ее сверху вниз по руке, сжимавшей смертоносное оружие, и, не медля ни секунды, двинул ей локтем в челюсть. Удар был точным и сильным. Девушка была явно обескуражена тем, что оказалась на земле, а ее единственное, по-видимому, оружие выпало из рук прямо к ногам ненавистного ей врага. Он увидел зарождавшиеся слезы в ее глазах. Презрение исказило его холодное лицо. «Я уж думал, что она не такая, как все». Он сжал сильнее рукоять меча, намереваясь завершить затянувшееся развлечение, которое обещало превратиться в слезные мольбы и проклятия. Но девушка подавила в себе слезы и, более того, собиралась драться до конца. Как же она его ненавидела.

– Прежде чем ты надумаешь распрощаться с жизнью, кидаясь на мой меч, подумай, ради чего ты это сделаешь и что ты изменишь, – попытался он урезонить девушку. Теперь он уважал ее и готов был дать ей возможность остаться в живых. По ее напрягшемуся телу и странному взгляду он понял, что внутри нее происходит борьба, итог которой решит ее конечную судьбу.

Но вот девушка опустила голову, признав свое поражение. Как трудно ей это далось. «Бедняжка, наверное, я убил кого-то из ее близких». Он поднял ее кинжал и положил его перед ней.

– Это твоя вещь. Она должна для тебя что-нибудь значить, раз именно она была избрана вместилищем воздаяния за мои грехи. Только не вздумай попробовать повторить попытку убить меня – мой меч убьет тебя быстрее.

Он отошел и лег снова у костра, кутаясь в плащ.

* * *

Она проиграла. Слеза скатилась по ее щеке, но она быстро смахнула ее, надеясь, что он не заметил. Он не увидит ее слез, никогда не увидит. Она так решила, когда взяла этот кинжал с пояса погибшего отца, убитого по прихоти этого человека. И теперь она сидит, поверженная им, захлебнувшись собственной мстостью, разбитая своим горем, втопанная в грязь тем, кто не убил ее, наверное, лишь потому, что знал – она убьет себя сама от позора. Но и того он не

увидит. Она собрала остатки мужества и с вызовом подняла глаза, чтобы... Изумленно вытаращиться на сопящего во сне победителя. Как он может так просто спать?! Ей стало обидно. А затем смешно. Она мучается, страдает, ее жизнь разрушена этим человеком – а он спокойно спит. Как волк, насытившийся нежным мясом ягненка. Нет, она не даст ему так просто спать, она возьмет этот кинжал, так легкомысленно ей отданный, и... «Зачем он отдал его мне?! – загорелось у нее в мыслях. – Что он мне говорил при этом? Что-то про значимость кинжала отца для меня. Он отдал его мне вовсе не легкомысленно, а из уважения... А я хочу его подло прирезать во сне?!» – ей стало стыдно от подобного решения. В конце концов, ее отец вышел драться в честном бою и знал, на что идет. Он был бы несчастен, знай, что его дочь не имеет чести воина.

Она села, решив для себя дать еще один бой своему врагу завтра, но уже в честной схватке, а не крадучись и внезапно.

– Хотя ты знал обо мне, знал и был готов... – пробормотала она костру. Укутавшись в старый протертый дорожный плащ, она снова подумала о безоблачных днях детства, об уверенности в завтрашнем дне, о незнании смерти и боли. Ее мысли бежали и бежали, унося ее в дурман сна. А во сне ее уже ждал человек с изогнутым мечом и странным зеленым камнем на шее, с улыбкой рубящий призрак ее отца...

* * *

– Просыпайся, – он грубо тряхнул ее за плечо. – Если нужна еда или питье, помочь могу, но немногим. До ближайшего двора еще дня два пути, не меньше.

Она открыла глаза и принялась растирать плечо. Потом, вспомнив о том, где она и кто с ней говорит, встала на ноги и приняла, как ей казалось, грозный вид, сжав кинжал в руке. Мужчина лишь с ухмылкой глянул в ее сторону и принялся сматывать плащ и укладывать его в наплечный мешок.

– До сих пор удивляюсь себе... – пробормотал он. Затем, завершив сборы, проверил, как ходит меч в ножнах, и прикоснулся к маленькому мешочку на поясе, чтобы тут же отдернуть руку, словно обжегшись.

– Мы не завершили одно дело, – она хотела сказать это твердо, но голос подвел ее. Тот, к кому были обращены эти слова, резким движением вынул меч из ножен, и не успела девушка опомниться, как ее шею уже холодила сталь.

– Ты и вправду так хочешь умереть, глупая?! – она смотрела в его глаза и видела там полное безразличие. Было понятно, он прирежет ее и забудет об этом.

Она опустила взгляд на подвешенный талисман человека, и страх вскипел в ней, неудержимой волной захлестнув тело.

– Нет, но ты волен сделать то, что считаешь верным... – а потом добавила: – Я не хочу терять душу.

Он был удивлен. «Откуда она знает о камне? Может, стоит ее прикончить?»

– Что тебе известно об этом? – он указал свободной рукой на подвешенный предмет.

– Ничего, – она ответила быстро и явно говорила правду. – Я просто... просто что-то ощутила.

С минуту они стояли, глядя друг на друга, затем он опустил меч.

– Можешь возвращаться к себе в деревню, но путь, как ты сама знаешь, будет долгим. Я думаю, вряд ли ты думала о возвращении... – и вправду, она как-то не задумывалась об этом. – К тому же, за мной не только ты шла по пятам. Есть многие, кто хотел бы со мной покончить. К примеру, друзья Тода-валуна решат немного поразвлечься с тобой. Ведь ты, я замечу, очень привлекательна, – он оценивающе посмотрел на нее, на что она лишь с возмущенным видом

задернула плащ на выступающей вперед груди. – ...а они как раз идут от того места, где он остался лежать.

Теперь она поняла, кто такой этот Тод-валун – тот здоровяк, которому вчера «посчастливилось» встретиться с ее преследуемым. Да, возвращаться назад равноценно самоубийству. В лучшем случае... Тогда что ей остается? Идти с этим чудовищем???

Словно прочитав ее мысли, он кивнул и проговорил:

– Могу проводить тебя до постоянного двора, где куплю тебе одежду и пищу в дорогу, – он прочитал у нее на лице замешательство. – А заодно и достойный твоей храбрости меч.

Прошагав мимо нее, он добавил:

– Может, с настоящим мечом у тебя будет шанс расквитаться со мной.

Это был явный сарказм, она это поняла, но решила, что это неплохой вариант. «Ну-ну, принимать помощь врага, чтобы его потом прикончить. Ты вся в отца, не правда ли?!» – ей стало жутко не по себе, но все-таки она решила не отставать от своего нового спутника.

Несмотря на открытый сезон путешествий, на постоялом дворе было пусто, и хозяин был рад даже этой странной парочке, появившейся у него на пороге. Одеты они были из ряда вон плохо, как ему сначала показалось, но, присмотревшись, он увидел на мужчине весьма драгоценные ножны и толстый кошель на поясе.

– Мои приветствия вам, дорогие гости! – он миловидно улыбнулся и льстиво поклонился. Словно не заметив сурового взгляда двух пар глаз, он принялся ухаживать за гостями, надеясь на хорошие чаевые. – Рад приветствовать вас в своем заведении под живописным названием «Зеленый двор». Меня зовут Тирисий Хозяяр. Прошу садиться у любого понравившегося столика. Могу предложить горячие блюда, различные закуски и самый лучший напиток всего Единого мира – папоротниковый горь. Очень рекомендую после длительного путешествия, – а затем, подмигнув мужчине, добавил: – и перед долгой ночью.

Спутница путешественника вспыхнула в праведном гневе, и хозяин дворика даже слегка испугался, как бы теперь совсем не остаться без платы. Но, как оказалось, зря он беспокоился.

– Принеси мне лучшее из своих блюд и чашку горя, – человек извлек из другого кошелька (не менее плотного, как подметил зоркий взгляд хозяина) три платиновые монеты и бросил их на стол, за которым уже разместился. Затем обратился к девушке: – Тебе тоже надо плотно поесть, – прочитав в ее взгляде неуверенность и смекнув, что к чему, он снова обратился к пытящему и потирающему монеты в своих пухлых ладонях низенькому хозяину двора в заляпанном фартуке: – Ей принеси что-нибудь сытное, но легкое, понимаешь?!

– Да-да, конечно, у меня есть на примете парочка блюд. А что желаете из выпивки?! – он воззрился на посетительницу таким взглядом, что она не смогла сдержать улыбку, которая моментально скрылась с ее симпатичного лица. «Правда, чересчур серьезного для столь юной особы...» – проскочило у него в мыслях.

– А есть вода? – девушка казалась смущенной и загнанной в ловушку. Если бы он знал, что напротив нее за одним с ней столом сидит человек, которого та хочет убить, и платит за нее, он бы понял ее поведение, а так он лишь приписал это жеманству нищенки.

– Конечно, дорогая гостя, самая чистая вода в округе, чище даже вод Серединного озера, клянусь вам! – и обернулся к мужчине, масляно улыбаясь, на что тот выудил еще три монеты и кинул на стол, сказав:

– Одна за хлопоты. Как закончим трапезничать, подойди.

– Хорошо, хорошо, высокочтимый гость, – улыбка не исчезала с его лица, пока он прятал монеты в карман фартука и отходил, беспрестанно кланяясь.

Отойдя от стола странных гостей, он шлепнул по кармашку своего фартука и счастливо улыбнулся. Еще бы, это же двойная плата... «Останутся на ночь?! Думаю, да, иначе с чего бы ему просить меня подойти? Не прирезать же, в самом деле!» – ухмыльнувшись своей значимо-

сти, Тирисий поспешил отдать указания своему повару и помочь ему с приготовлением. Ведь стоило постараться, авось еще монет накинёт.

Уже поднося заказ своим гостям, он ужаснулся. Поставив поднос с обдававшей паром пищей, он откланялся и поспешил уйти к стойке.

«А что, если и вправду прирезать?!»

* * *

Он ел молча. Самое лучшее блюдо оказалось ничем иным, как простой козлятиной, неумело отваренной и с сильным привкусом, гарниром к которой служили бобы с чесноком. Он с сожалением посмотрел в тарелку спутницы, чье содержимое казалось более привлекательным. Конечно, не обошлось без бобовых – красная фасоль с листьями салата и нарезанным ломтиками яблоком. «Чертова козлятина, уже третий двор в этой части Единого!!! – клял он про себя блюдо, продолжая мерно его поглощать. – Хоть пойло достойное...» Он сделал большой глоток, и терпкий напиток, настоянный на стеблях папоротника, горячей волной наполнил желудок, заставив кровь бежать быстрее. По сути, этот напиток был отравой, но человеческий гений сумел совладать с природой. Нужно-то было всего лишь добавить щепотку известковой соли и ложку сахара в чан с варевом и – лучший напиток всего континента готов. Как ему не хватало этого напитка во льдах Фризенхайра... Машинально содрогнувшись, он постарался развеять мысли живой беседой. В конце концов, у него уже пару лет не было собеседника.

– Как тебя зовут, гроза ночей? – он попытался улыбнуться, но знал, что вышло что-то вроде оскала. К его удивлению, девушка ответила совершенно спокойно.

– Не стоит говорить врагу свое имя, но что толку его таить, коли я проиграла?! – она ковырнула вилкой фасоль. – Родители назвали меня Шейпли. Они объяснили это тем, что родилась я с волосами, в которых была одна прядь белая. Та, что подходит ко лбу... – потом перехватив его взгляд, быстро прибавила: – Когда волосы чистые, она очень заметна.

После этих слов уткнула взгляд в тарелку.

Он помолчал. Улыбка сама собой напращивалась. Да, что-то в ней было такое, что заставляло его забывать на некоторые мгновения о... «О многом», – оборвал он себя. И вернулся к начинавшемуся разговору.

– Очень красивое имя. Твои родители имели чувство вкуса. Что с ними стало? – при его последних словах девушка гневно бросила вилку и горделиво расправила плечи, вонзив свирепый взгляд в своего собеседника. Потом процедила сквозь стиснутые зубы:

– Моя мать умерла через три недели после моего рождения от неизвестной слабости. Мой отец держался, как мог. И помогал держаться нам. Я и мои две сестры воспитывались им в лучшей манере. Он научил нас почти всему, что знал сам, кроме боевого искусства, которое иногда преподавал мне. Он был великим человеком, его мысли были всегда высоко. Его мечтой было сплотить разрозненные королевства Единого мира! Но он был безжалостно убит тем, кому просто преградил дорогу... – ее кулаки сжались, лицо превратилось в холодную маску гнева. – Я слышала, что моя старшая сестра стала... стала продавать свое тело путешественникам, проходящим по большой дороге, что другая моя сестра отдалась в жены какому-то старику, имеющему еще трех девиц в распоряжении. Я слышала это от путешественников, пока настигала убийцу своего отца, виновника всего того, что случилось со мной и моими сестрами. И вот, настигнув его, я не смогла... не смогла отомстить... – она опустила плечи, опустила глаза, в которых блестели слезы, только кулаки сжались сильнее и мышцы на лице стали ходить ходуном.

Он пристально посмотрел на нее, и чувство уважения снова окатило его. Она не сломалась, не расплакалась. Ее выдержка не могла внушать подобного чувства. А ведь ей было-то от силы семнадцать лет. Он быстро прокрутил все подобные случаи, при которых некто возни-

кал у него на пути. В тот раз это был человек умелый, воин, наверное, ветеран... Да, он припомнил этого мужчину. Его выразительные черты лица и фанатичные идеи. Его мечта стала причиной его гибели. То, что он хотел получить, не могло бы объединить людей, но могло бы поработить их, свести с ума, стереть с лица этого мира.

– Глупец... – пробормотал он, забыв, что напротив него сидит убитая горем и жаждущая мести дочь того воина.

– Как ты смеешь посрамлять моего отца в МОЕМ присутствии??? – она вскочила из-за стола. В руке у нее уже сверкал кинжал. – Он был великим человеком, слышишь, ВЕЛИКИМ! И не такому, как ты, отзываться о нем неуважительно!

– Сядь, не стоит зря беспокоить хозяина этой дыры, – он был все так же спокоен, но положил руку на рукоять меча. – Прежде чем вызывать меня на последний бой, который будет для тебя именно таковым, послушай о том, чего тебе никогда не рассказывал твой папочка.

Некоторое мгновение она стояла, сотрясаясь в гневе. Потом, успокоившись, села (к величайшему облегчению толстого человечка в фартуке, наблюдавшего из-под стойки за происшедшим и молящегося всем возможным богам, имена которых вспоминал, а некоторые придумывал).

– Ч-что... Что ты имеешь в виду?

Он лишь сделал глоток папоротникового горя, усмехнулся и произнес:

– Доешь прежде свою пищу, а не то умрешь с голода, так и не узнав ничего.

– Как я могу есть, ты, сумасшедший холодный изверг?! Рассказывай мне...

– Заткнись и не смей мне указывать. Это раз. Во-вторых, за еду заплатил я, так что ешь давай. Не хочу, чтобы деньги ушли впустую.

Она хотела было возразить что-то, но вовремя себя одернула. «Молодец, девочка, ты умнее, чем кажешься...» Он убрал руку с рукояти и принялся наблюдать за тем, как она быстрыми движениями расправляется со своей порцией пищи. И вот, когда ее миска оказалась пуста, и она гневно и вопрошающе воззрилась на него, он позволил себе нехотя заговорить:

– Когда я проходил по большой дороге через какую-то деревеньку, в которой я купил у местного селянина немного провизии, мне повстречался человек. Он был высокого роста и статного вида. Было сразу видно, что малый прошел через многое. Отпечаток смерти был в его взгляде. Взгляд закаленного воина, – он хмыкнул, прочитав на лице своей собеседницы гордость. – Как бы то ни было, мне от него ничего не было нужно. И он бы тоже прошел мимо, если бы не увидел... – на какой-то миг он заколебался, стоило ли рассказывать ей. Но, решившись говорить, он продолжил, – ...камень, что висит у меня на шее. Помнится, я спрятал его под куртку, но он захотел, чтобы твой отец его увидел, – увидев недоумение и напряженность на лице девушки, он сказал: – Тебе не понять. Но ты уже знаешь, что камень непростой. Ты наверняка слышала об империи Шардра. Некогда могущественный чародей, имя которого забыто, решил захватить мир. И у него это вышло. С помощью своего магического искусства он создал Зеленый Кристалл Разума, способный усиливать могущество любого чародея во много раз. Но, как выяснилось, кристалл обладал своей волей и потребовал от своего создателя плату за свою помощь в покорении мира. Он хотел души смертных, которые он затем заключал бы в свои грани, усиливая сам себя. Как ты, быть может, знаешь, все это происходило до Разделения земель. Мир тогда был действительно единым. И империя Шардра владела им. Что произошло, почему мир разверзся, уничтожив империю и отогнав ее столицу на отдельном материке к югу, обратив во льды? Я не знаю. Я там не был. Во всяком случае, тогда. Есть теория, что на то была воля камня, так как чародей решил уничтожить Кристалл, в котором больше не нуждался, но которого стал бояться сам. Так вот, твой отец знал об этом камне.

Она недоверчиво уставилась на него. Он столько ей поведал нового и зловещего, что, оказывается, знал и ее отец, но чего ей никогда не открывал.

– Но... Но почему ты убил его?

– Он потребовал отдать ему камень. Он был одержим своей бессмысленной идеей объединения стран Единого мира и считал, что камень каким-то волшебным образом поможет ему в этом. Он не мог взять в толк, что тот создавался злыми силами во имя зла. Нельзя сотворить свет из крошечной тьмы, это по силам только богам, а твой отец, как он и сам убедился, был простым смертным.

Несколько долгих минут была относительная тишина, если не брать в расчет звуки, доносившиеся с кухни (на которой повар и хозяин двора обсуждали план действий, в случае если второму будет грозить гибель, старательно заглушая слова звоном кастрюль и мисок). Девушка казалась разбитой, раздавленной. Она видела отца светлым праведником, а тот оказался одержимым безумцем. Она подняла взгляд, полный боли, на убийцу этого несчастного и спросила:

– Почему он решил, что этот проклятый камень способен на подобное?

Мужчина был слегка ошеломлен подобным вопросом, но ответил без особо заметной задержки.

– Объединить людей он и вправду способен, но совсем не так, как думал твой отец. Он может их поработить, заставить служить общей цели, или попросту уничтожить их. Ведь для него самого важным является лишь одно – души, и чем больше он их получит, тем могущественнее он будет. Глупый чародей создал Кристалл с целью приумножить могущество, таким образом, дав и ему ту же цель.

Она собиралась с мыслями некоторое время, попивая воду из своей чашки. В этот миг сердце ее собеседника кольнуло уже давно забытое им чувство – жалость. «Хех, ну и ну, я что, и вправду старею?!»

– А что, если посредством камня дать людям благородную цель? Может, мой отец...

– Твой отец не смог бы справиться с камнем. Ни один из людей, когда-либо отнявших жизнь у другого человека, не способен подавить волю Кристалла, ибо душа таких людей имеет дыру, в которую и вливается воля того.

– Но как же...

– Как я подавил его волю?! – он хитро глянул на девушку. – А кто сказал, что я это сделал? Я нужен был камню, он нужен был мне. Мы нашли взаимовыгоду в нашем сотрудничестве. А теперь, если позволишь, я намереваюсь взять комнату на ночь. Держи монету – тебе же тоже надо где-то спать.

Он встал, размял плечи и потянулся. Незаметно для себя проверил меч и маленький мешочек на своем поясе, затем направился к кухне, из которой доносились неразборчивые выкрики и звон кастрюль. Потом остановился и бросил несколько слов через плечо. Слов, которые потрясли девушку.

– Он мог бы натворить больших бед. Гордилась бы ты им тогда так же, как сейчас?!

Она смотрела пустыми глазами в пустую же миску. Слышала, как голос, режущий ее сердце, повелительно позвал кого-то и что-то тому сказал, но она не думала над этим. Ее мысли были далеко за пределами этого постоянного двора и за пределами времени. Ее мир, маленький и уютный мир, казался теперь ей таким нелепым и надуманным, что слезы стыда и обиды самопроизвольно выкатывались из ее глаз. Она и не пыталась их остановить или сдержать. Вместе с ними уходила ненависть к убийце ее отца, и приходило понимание его действий. Конечно, многое было запутанно и непонятно, но того, что она теперь знала, было достаточно ей, чтобы простить ее спутника. И затаить обиду на себя, не надеясь на самопрощение.

«Он был виноват лишь в том, что нес этот дурацкий камень. Он наверняка пытался отговорить моего отца, но тот был слишком упрям и верен своей мечте. Он мог бы стать подобным своему убийце, только намного хуже, ибо принес бы в жертву камню многие сотни невинных жизней, а не пару алчущих душонок...»

На обломках ее мирка в эти мгновения появлялся другой мир, реальный и жестокий. Тот мир, который она считала лишь призраком, бояться которого не стоит, ибо можно спрятаться

под теплое одеяло своих иллюзий. Какой глупой и опрометчивой она себя считала в данный момент. Каким ребенком, маленьким и избалованным, она была на самом деле. А он... Он был героем, за которым тянулся кровавый след, но след этот был нужный, ибо убитые его мечом страдали, она была уверена в этом, могущества Зеленого Кристалла Разума. И чем меньше желающих его силы оставалось в Едином мире, тем длиннее становилась история ЭТОГО мира. «Стоит кому-нибудь другому заполучить камень – и мир, который я знаю, будет повергнут в пучину бессмысленного и пугающего хаоса...»

Мысли рвали ее разум, заставляя возвращаться вновь и вновь к Кристаллу... Что именно ее настораживало, почему камень внушал ей страх, а ее отца притягивал к себе?!

Время шло, и она чуть было не вонзила кинжал прямо в толстый живот хозяина двора, когда тот разбудил ее предложением подняться наверх и занять одну из комнат на ночь. Разумеется, за подобающую плату.

– Теперь, когда я убедился, что вы с вашим многоуважаемым спутником не будете угрожать мне и репутации моего «Зеленого Двора», – он довольно хлопнул по кармашку фартука, – я смею просить у вас прощения за возможные неудобства, а также и сам хотел бы получить компенсацию за причиненные мне волнения, вызванные вашим буйным поведением, уважаемая многочтимая гостья, – и он подмигнул ей, давая понять, что не откажется от любого вида компенсации.

– А если я вспорю ваше брюхо, многочтимый слизняк, и в качестве компенсации за свое буйное поведение затолкаю ваше свиное сердце вам в глотку, вы соизволите нас извинить?! – увидев искренний ужас на физиономии несчастного человека, она испытала укол совести. Да уж, путешествие следом за убийцей ей явно не на пользу. «А может, я просто хочу спать...»

Швырнув свою монету на стол, прямо в пустую миску, она побрела мимо отстранившегося испуганного мужчины к лестнице наверх, попутно поинтересовавшись:

- Двери в комнаты заперты, когда в них никого нет?
- Н-н-нет-т, м-м-мн-ногоч-чтима-ая...
- Спасибо.

Добравшись до первой свободной комнаты, она рухнула на жесткую постель, но та ей показалась необычайно мягкой. Вот тут-то она и почувствовала наконец, как же ее, оказывается, измотало долгое преследование убийцы отца и ночи, проведенные в открытых полях, обдуваемых ночными ветрами. Она медленно засыпала, отгоняя различные мысли, роящиеся в ее сознании. Вскоре она провалилась в сон, куда всякие измышления были не вхожи...

Глава вторая

Начало

«Надеюсь, девчонка сообразит принять ванну». Он спокойно распивал горячительный напиток, думая (что его самого очень удивило) об отважной девушке с оттенком заботы. Поставив чашку на стол, он встал и подошел к тут же расплывшемуся в улыбке хозяину «Зеленого двора».

«Слишком много зеленого у меня на пути...» – подумал он, поинтересовавшись у толстяка о возможных постояльцах. Не то чтобы он был параноиком, но осторожность уже не раз спасала ему жизнь. С волшебным Мечом Воздаяния ему не был страшен ни один воин. Но что с ним будет, если навалится целый вооруженный отряд умелых бойцов?! Камень попадет в руки какому-нибудь дураку.

Между тем, низко кланяясь, хозяин двора уверил его, что, помимо двоих «высокоchetti-мых» гостей, никого не было уже три дня. Немного успокоившись, он вновь уселся за стол. Через некоторое время к нему спустилась весьма хорошая собой девушка с чарующими кудрями каштанового цвета, среди которых была прядь белых волос, обрамляющая миловидное личико с левой стороны. Шейпли вымыла наконец-таки свои волосы и теперь выглядела бы принцессой, если бы не изношенная кожаная одежда, столь любимая путешественниками. «Наверное, отец ее брал с собой в большие города, где сбывал зерно. Возможно, в этих городах он и набрался слухов о возвращении утерянных артефактов».

– Ты слишком долго. Перехватишь завтрак как можно быстрее, и пойдем.

– Я тоже рада тебя видеть, – она грациозно опустилась на стул и принялась изучать содержимое миски, тут же поставленной перед нею расторопным хозяином. – А куда мы спешим?

– Я спешу дальше. Наверное, пойду к болотным землям. К сожалению, торговцев здесь мы не сыскали, посему отправляться тебе придется домой без оружия...

В ее глазах тут же возник странный огонек.

– А если я не хочу возвращаться домой?! Что, если я желаю поглядеть на те самые болота, что служат многим детям устрашающими байками?

– Тогда твои «если» приведут тебя прямиком в могилу, ко дну которой ты будешь медленно-медленно опускаться, – он хмыкнул и погладил рукоять меча.

– Смерть меня не страшит. Я иду с тобой, – и принялась с энтузиазмом поглощать пищу, давая понять, что вопрос исчерпан.

На самом деле он даже был рад такому обороту дел, но, с другой стороны, с ним девушке грозила огромная опасность, везде и всюду, всякий миг. За себя он не боялся. Но у нее же еще вся жизнь впереди, и пускай она строит из себя воительницу, у нее за плечами нет ни одной отнятой человеческой жизни, да и вряд ли будет. Он видел ее глаза и именно в них прочитал о ней всё, о чем она никогда не расскажет. Во всяком случае, ему. Пока у нее был шанс выбрать себе спокойный путь жизни, найти жениха, родить дитя, воспитывать его и лелеять, храня очаг своего дома, даря любовь и получая ее.

Однако ей и подобная судьба не очень-то улыбалась. У нее нет ни гроша, ни даже платья. Она бродяжка, к тому же очень красивая. Всё, что ее ждет, – какой-нибудь бордель, где ее будут регулярно избивать, принуждая насыщать плотские нужды состоятельных клиентов.

– Ночью не выспался?! – она толкнула его кулачком в плечо. – Пошли, сам же так рвался в путь.

– Да уж, задумался немного... Только не путайся у меня под ногами и не отставай в дороге, коли собралась следовать за мной.

– Я не собралась «следовать за тобой», я просто иду той же дорогой, а ты меня сопровождаешь.

Он улынулся, глядя на то, как она, горделиво вскинув голову, прошествовала к выходу. «Надо было выйти первому: посмотрел бы, как толстяк требовал бы с нее платы за еду». Хмыкнув, он двинулся следом, оставив монету рядом с миской Шейпли.

* * *

Двор снова остался пуст. «Думаю, гостей сегодня уже можно не ждать, тем более таких же щедрых, как те двое...» Хозяяр ударился в мечтания о том, как замечательно пошли бы его дела, если бы все гости платили той же монетой. Его отвлек звук спускающегося сверху посетителя. «Надеюсь, моя маленькая ложь окупится!» – он жадно потер свои пухлые ладони. – Добрый день, многотимый гость! – он изобразил улыбку, хотя сам испытывал странное ощущение – смесь страха и ужасного любопытства, – глядя на шагающего к нему тяжелой поступью человека, закутанного в плащ из шкуры серого свеза, которыми кишели болотные чащи.

– Ушли порознь? – грубый и скрипучий голос гостя был подобен звуку скатывающихся в пропасть камней.

– Д-да, многоуважаемый. Я все сделал, как вы велели, – ничего не сказал о вашем присутствии, уверяю вас, – а затем добавил, как бы невзначай: – Ведь это того стоило?

Красные зрачки уставились на хозяина двора с таким презрением и холодностью, что тот готов был превратиться в сверчка и забиться куда-нибудь под доску. Он осторожно отступил на шаг. Перспектива разозлить этого огромного и странного мужчину его совсем не радовала. Но тот тем временем отстегнул своими неестественно длинными и острыми пальцами плотный кошель с пояса и бросил его на стойку.

– Стоило, червяк, не сомневайся, – и направился к выходу.

Когда гость переступал порог, Тирисию показалось, будто он слышит его смех, глухой шелест...

Взглянув в ту сторону, он вздрогнул и повел плечами, вернувшись взглядом к толстому мешочку у себя на стойке. Осторожно взвесив его на ладони, он с удовлетворением отметил про себя его приятную тяжесть. Дрожащими от возбуждения пальцами он принялся с нетерпением разматывать шнурок, которым кошель был завязан. Открыв и высыпав содержимое мешочка на доски своей стойки, столь любовно полируемой им каждое утро и каждый вечер, он с ужасом осознал, ЧЕМ именно с ним расплатился таинственный гость.

Это были камни скорби, те самые, что при взаимодействии с дыханием образуют ядовитые испарения, невидимые глазу, но возникающие моментально, стоит рядом оказаться живому существу. Только банемиды, исконные жители болот, были невосприимчивы к яду камней скорби. Остальных ждала печальная участь – скорое разложение легких с последующим летальным исходом.

Несчастному хозяину постоянного двора с «живописным названием» оставалось жить где-то меньше суток. Его повару повезло больше, так как тот отпросился с работы по семейным обстоятельствам. Уже сейчас Тирисий Хозяяр начинал ощущать жжение в груди и легкое головокружение.

«О, проклятые боги, как вы могли так со мной поступить?! Со МНОЙ???» – ему следовало сразу понять по комплекции, голосу и глазам, что его гость был ни кем иным, как банемидом. Какой же еще платы стоило ждать от такого постояльца?!

Собрав остатки мужества, которого у него (сколько он себя помнил) практически и не было никогда, он подошел к камину, у которого обычно грелись путники разных мастей, с разными монетами. Поддев ногой крупную головешку, пылающую с одной стороны ярким пламенем, он выпихнул ее на пол и подкатил к ближайшему столу так, чтобы тот быстро обьяло

пламя. Затем, слезным взглядом обведя всё вокруг, хозяин двора вернулся к камням. Ему было известно свойство камней, когда те соприкасаются с огнем... Он многое слышал от путешественников. Сжав их у себя в обеих ладонях, первый и последний раз проклиная собственную алчность, он кинулся к камину и впрыгнул в него.

Одиноким путник завернутый в серый плащ, зловеще ухмыльнулся, услышав в отдалении от себя слабый взрыв и шипение. Бросив мимолетный взгляд на поднимающийся столбик дыма, он проклинал про себя жирного и глупого человечешку, платой которому была смерть. Ему не приходило в голову, что у того хватит смелости сделать такой шаг. Теперь тот, за кем он вынужден следить, знает то, чего знать был не должен. «Ну, что ж, это ничего не меняет», – улыбаясь своим мыслям, житель болот последовал далее, не спеша шагая вперед. «Глупец сам идет в ловушку, да еще ведет туда трофей. Мой трофей».

* * *

– Ты наверняка знаешь, что там такое, почему не говоришь?! – она с ненавистью и любопытством уставилась на него.

– Тебе следует поменьше воспринимать свои фантазии как реальность, – он старался сохранять крайне холодный вид.

Конечно же, да, ему сразу же стали понятны две вещи: хозяин двора на самом деле соврал ему и, что более настораживало, его ждут на болотах. С какой целью, он не мог знать. Получить камень им не удастся, пока у него в руке меч, защищающий от любого удара лучше всякого щита, и пока его рассудок свободен от навязчивой воли зеленого кристалла. Но без серьезной причины банемиды, насколько он сам знал, покидать свои болота, да еще так открыто действовать во владениях людей, не станут никогда. Если народ поймет, кто именно виноват в сожжении постоянного двора и убийстве неудачливого владельца одного, то непременно жалобы и негодование посыплются на лордов от каждого земледельца в округе... С другой стороны, лорды слишком заняты междоусобицей, чтобы еще и думать о мелких бесчинствах враждебно настроенной расы человеческих существ.

Банемиды и впрямь являлись людьми, хотя природа малость поработала над ними. Их кости были шире и прочнее, сломать какую-нибудь из них было почти невозможно, за это они расплачивались худобой (в большинстве случаев) и некоторыми неудобными, с человеческой точки зрения, элементами тела, такими как ребра на шее и короткие костяные хвосты. Зато ростом даже самый низкий из них был выше среднего человека почти на две головы. Что уж говорить о тех некоторых особях этих существ, что в высоту были выше трех метров. Еще банемиды можно было отличить по глазам. Красные зрачки несвойственны людям. Во времена Разделения мира историческая родина банемидов претерпела изрядные изменения, превратившись из приятных лесов и полей в жуткие зловонные болота, сделав своих обитателей злобными и замкнутыми. Говорят, что именно фактор изменения среды обитания сделал их непримиримыми врагами своих сородичей-людей. Как-никак, Темный Чародей был человеком, и из-за него мир изменил свой образ.

Увидев улыбку на лице своего спутника, Шейпли почувствовала наиострейшее любопытство. Ей так хотелось знать всё то, что было известно ему, но докучать расспросами она не рискнула. Она знала лишь, что пошла в сторону болот не только ради острых ощущений, а из-за странного и смутного чувства долга, ей самой непонятного.

Они шли не так уж быстро, и путь одолели не столь длинный, но ее ноги уже начинали ныть. Местность изменилась. На смену равнинам пришли возвышенности и холмы. Дорога петляла и устремлялась вверх, вниз, снова вверх – и так без конца. Да еще и солнце в этот день, видимо, вознамерилось растопить льды самого Фризенхайра.

– Ладно, красавица, сделаем привал вон под тем холмом, – он указал в сторону холма, отстоящего от дороги шагов на тридцать и окруженного кустарником. – А то ты ноги стопчешь, но об отдыхе и слова не скажешь.

Она залилась стыдливым румянцем и промямлила что-то невразумительное. А может, это его обращение к ней подлило красок на ее щеки?! Она и сама не знала толком, но ей вдруг стало тепло на душе. Все-таки иной раз случайное или безразличное, но мягкое и теплое слово может сделать на некоторое время сердце легким, а душу – открытой. К тому же ее так никто не называл, а сама она себя считала дурнушкой, когда смотрела на своих старших сестер. Наверное, из-за этого отец именно ей иной раз открывал основы ведения боя. Вновь провалившись в воспоминания о былой жизни и об отце, она и не заметила, как легкое тепло покинуло ее, освободив место меланхолии и апатии...

* * *

– Как тебя зовут?

Он неспешно поднял на нее взгляд, в котором сквозил холод.

– К чему оно тебе, мое имя?! – его глаза, казалось, пытались что-то найти в ее глазах, в ее душе.

– Просто было бы справедливо и мне узнать твое имя, после того как я назвала тебе свое. Разве нет?! – она с безразличным видом принялась жевать сухое яблоко, которое выудила из своей сумки.

Он не спешил с ответом. И вовсе не оттого, что сомневался в ней. И не потому, что его имя должно было по неведомым причинам сохраняться в строжайшей секретности. А просто потому, что ему пришлось изрядно напрячь память, чтобы вспомнить его. Дело было не в возрасте и не в слабоумии, ведь лет ему было от силы около тридцати, а умом блистал он лучше некоторых мудрецов. Просто за годы путешествий в одиночестве никто к нему не обращался по имени, да и он свое имя не использовал в редких разговорах с торговцами... «Как же меня зовут?!» – он напрягал память, пытаясь вспомнить жизнь до своего последнего искания сокровищ, приведшего его к Пику Холода.

– Я не настаиваю, – почувствовав его замешательство, девушка добавила: – В конце концов, я могу и дальше называть тебя просто убийцей.

– Дхорн... Да, так меня звали, – он задумчиво почесал свой подбородок.

– Дхорн?! Так ты с Земель Ллорна? – она даже не пыталась скрыть изумления.

– Да, представь себе, и в райском саду гниют яблоки...

К его облегчению, Шейпли не стала ничего спрашивать. Он бы ничего и не смог ей ответить, так как не хотел вспоминать свое детство и юношество в родной стране, стране, где закон решал даже такие вещи, как распорядок сна и потребление пищи.

– Пора идти, на отдых было достаточно времени, – он осмотрелся, потом грустным, как показалось девушке, взглядом посмотрел на небесную лазурь. Он не заметил, как его рука судорожно сжала зеленый кристалл...

Она встала и принялась собирать свою сумку, запихивая в нее всё, что из нее извлекла перед этим.

– Знаешь, Дхорн... – она посмотрела на него, но тот уже бодрым шагом направлялся к дороге. Она в который раз упрекнула себя за жалость к этому холодному, ничемному и наглому мужлану и поспешила за ним. А ведь она хотела перед ним извиниться и сказать, что не держит на него зла. «Какая же я все-таки дуреха!!! Он хочет, чтобы его ненавидели, так как сам себя ненавидит...»

Несколько дней пути путники провели в относительном спокойствии. Ничто не препятствовало их движению. После той беседы, в ходе которой Дхорн вспомнил свое имя, они почти

не разговаривали. Каждый пребывал в своих мыслях. Но однажды вечером, когда до ущелья, ведущего в болота, оставался лишь день пути, произошло нечто, навсегда наложившее отпечаток на сердце Шейпли.

В тот вечер они расположились в лесу, который покрывал высокие холмы, окаймляющие земли банемидов с западной стороны. Что лежало по ту сторону болот, не знал никто из людей. Дхорн уже спал или делал вид, что спит, а Шейпли никак не могла уснуть. Что-то тревожило ее. Ей вдруг дико захотелось прогуляться одной. Она понимала, насколько это бредовая и опасная затея, но не смогла ничего с собой поделать.

Тихо поднявшись со своей лежанки, она вышла за пределы освещения, которое давал костер, сооруженный ее спутником. Если бы кто-нибудь спросил ее сейчас, о чем она думает, то вряд ли она нашлась бы, что ответить. Мысли скатывались одна с другой, а на душе было такое мерзкое ощущение, какое возникает, когда слишком усердно думаешь над жизнью в целом. Чистое безоблачное и наивное мышление ребенка уже давненько покинуло ее, но она всё еще помнила всю его прелесть. И от этого ее грусть становилась еще сильнее...

Девушка оглянулась. От «лагеря» она отошла не так уж и далеко. Наверное, ей не стоило уходить из света костра. «Но как же тогда я была бы одна?!»

Внезапно нечто крупное двинулось к ней со спины. Шейпли не успела даже вскрикнуть, как рухнула без сознания от могучего удара по затылку...

Нет, веревки были завязаны хорошо. Ей ни за что на свете не удастся самой высвободиться из них. Голова болезненно ныла, а из глаз всё бежали и бежали слезы. Места гордости уже не осталось, один лишь страх теперь властвовал над ее душой. Ее пленитель стоял напротив нее и ухмылялся. Он потешался над ее слезами, над ее страхом и ее жалким видом. А вместе с ним над ней забавлялись и другие. Всего их было пятеро. Все поголовно крупного телосложения и неплохо экипированы. И у каждого у ноги длинный меч. Ее голова поникла. Шансов нет. Ни единого...

– Смотрите-ка, парни! Эта подстилка даже не пытается кричать и не порывается вырваться! – здоровяк, стоявший напротив нее, разразился громоподобным хохотом. Остальные его поддержали смешками. Отсмеявшись, он вперил жадный взгляд в девушку и проговорил:

– Жаль, а то я бы с удовольствием ее укротил...

Он отстегнул изогнутый нож от своего пояса и медленно приставил тот к шее своей жертвы. Затем провел его кончиком по выемке в блузке Шейпли. Глаза девушки вспыхнули гневом, слезы перестали скатываться по ее щекам. Она сжала кулаки с такой силой, что не заметила, как вонзились ногти в ее плоть.

– Ну, ну, малышка, к чему беспокоиться. Расслабься, – ухмылка исказила гнусную физиономию.

Быстрым движением он распорол блузку точно между грудями до нижнего края. Гнев вновь обернулся испугом, точнее, паникой. Девушка забилась в бесполезной попытке вырваться, но веревки лишь сильнее впились ей в руки и живот. Ноги же были привязаны намертво к стволу дерева, стоявшему бесстрастным свидетелем происходящего.

– Селрод, Бегем! Ступайте и посмотрите, дрыхнет ли наш дружок, – двое из четверки сразу же направились скорым шагом в лес и через миг скрылись в ночи. – А вы двое идите и встаньте в тридцати шагах от них. Если услышите чего странное – сразу ко мне, ясно?!

– Да, поняли... – и тоже скрылись в темноте следом за уже ушедшими.

Громила снова обернулся к девушке.

– Теперь мы вдвоем... – он прильнул губами к щеке Шейпли, и та почувствовала укол щетины. Резко мотнув головой, она постаралась ударить лбом обидчика, но тот, как будто предугадав ее движение, положил свою огромную ладонь на лоб девушки и вдавил ее затылком в дерево.

– Зачем же так, ведь мы вполне можем поладить.

Он резко отпустил ее и, сделав шаг назад, сильно ударил ее в живот ногой.

В глазах девушки потемнело, дыхание пропало и никак не хотело возвращаться, дурнота и боль окутали ее сознание, а чьи-то пальцы схватили ее левую грудь и сдавили, причинив новые муки. Она ощутила, как к ней в промежность что-то вошло, но не так сильно, чтобы прорвать плеву. Шейпли еще не знала мужчины, и здоровяк это понял.

Тут мужчина убрал руку и снова отошел назад. Самодовольно улыбаясь, он расстегнул свой нагрудник и отбросил его в сторону. Спасения не было. Девушка решила, что делает всё возможное, дабы как-либо не допустить того, что неминуемо должно случиться.

– ДЕВОЧКА МОЯ, сейчас ты станешь женщиной. Как, романтично, ммм?

Неожиданно с шумом кто-то выбежал из леса. Это был Селрод. На его голове не доставало шлема, а нагрудник был перерублен посередине, и из дыры сочилась кровь. Селрод разинул рот, чтобы что-то крикнуть, но не успел, так как из его живота внезапно появилось острие меча, тут же исчезнувшее.

Селрод рухнул, а на его месте появился мужчина среднего роста с ухмылкой на лице.

– Шейпли, ты в порядке? – словно не замечая огромного воина, Дхорн свободным шагом направился к девушке.

– Стой, червь!!! – взревел здоровяк и выхватил свой меч. Мускулы перекачивались в угрожающем танце. Нельзя было сказать, что Дхорн не выделялся мускулатурой, но по сравнению с этим человеком он казался ребенком.

Дхорн и не собирался останавливаться, тем более, когда его называют червем. Сделав три шага к противнику, он описал в воздухе дугу, отражая обрушившийся на него сверху меч уже подскочившего к нему врага. Громила отпрыгнул назад и рубанул сбоку, намереваясь успеть разрубить противника, но тот легко ушел от удара и принял боевую стойку, выжидая. Шейпли показалось, будто Дхорн наслаждается происходящим.

Между тем, громила оценивающе поглядел на своего врага.

– Черт, шел за тобой от Тода, а ты всех моих ребят прикончил, даже не дав мне потешиться с девчонкой, бродяга.

– Если ты будешь и дальше разговаривать, а не драться, то я потеряю всякий интерес к дальнейшему бою и попросту прирежу тебя, – ни один мускул не дрожал на его лице, которое излучало спокойную уверенность, что явно бесило громилу. Тот, перехватив поудобнее свой меч, ринулся в атаку, нанося стремительные и грациозные удары, что было весьма удивительно, если учесть его габариты.

Дхорн отбивался без особого труда, вовремя уворачиваясь от особенно сильных ударов и парируя прочие. Выждав, пока здоровяк покажет весь репертуар своих приемов, он перешел в наступление. Ему хватило всего трех ударов, чтобы сначала молниеносным движением лишить противника оружия, а затем двумя другими разрубить его на четыре части. Казалось, плоть и кости были не тверже снега для клинка в его руке.

Бой был окончен.

Девушка вновь почувствовала боль во всем теле и не смогла удержать свое сознание, которое поплыло в черноту, всё дальше и дальше от нее, от того громилы, от ухмыляющегося Дхорна, спрашивающего что-то у нее с ноткой гнева. Прошептав еле слышно «спасибо», она потеряла сознание.

* * *

«Глупая девка! Надо было потащить себя куда-то! А если бы я и впрямь спал?!» – он не прекращал бранить ее про себя, бережно укутывая девушку в свой плащ и беря ее на руки. Он донес ее до своей стоянки и аккуратно уложил у костра. «Теперь я еще и блузку ей штопать

буду, ну-ну, хорошо хоть, у меня есть чем...» Он оторвал от своей рубахи небольшой лоскут и смочил его водой из своего же бурдюка. Приложив компресс ко лбу Шейпли, он решил ее оставить в покое, ведь бедняжка пережила шок как-никак.

Дхорн отошел и оглядел себя в свете костра. Чужая кровь впиталась в его одежду. «Как и другая до этого, но вот лицо стоит помыть, приятель, как и руки, разве нет?!» Он ухмыльнулся. Хорошо, что неподалеку был ручей, который он заметил, еще собирая хворост на костер.

Вернувшись с ручья, он проверил состояние девушки и пощупал ее пульс. Она спала крепким сном.

Он сел напротив спящей спиной к костру и принялся смотреть на нее. Она была еще так молода, а жизнь уже ведет ее дорогой смерти. «Пусть, она сама избрала свой путь, нечего ее жалеть. Думай лучше о своем собственном, ведь он куда интереснее, не так ли?!» – он вздохнул. Как он ненавидел сам себя за мысленные беседы с разумом. Да, девушка избрала опасный путь, но она это сделала из-за него, так как его путь послужил ей развилкой. А его путь усеян трупами. По краям этого пути стоят души всех тех многих, кто был убит его мечом. Души, которые никогда не будут упокоены, которые остаток своей вечности будут проводить, питая кристалл на его шее. Как он был бы рад расстаться с камнем, но он знал, что в таком случае его ждет. Он снова вздрогнул и размял затекшую шею круговым движением головы.

Там, в пещере Чародея, он сделал свой выбор, а камень помог ему выбраться живым. Можно сказать, он продал душу кристаллу за могущество меча, который в итоге стал серпом для сбора урожая, а не орудием избавления мира от невзгод, как он наивно намеревался его использовать изначально. Все рассказы о проклятье оказались наполовину менее страшны, нежели все было на самом деле. Когда Темный Чародей решил сразиться с созданным им же Зеленым Кристаллом Разума, он погиб, но освободил все души, томившиеся в том, лишив камень бывшего могущества. Тогда камень попытался впитать душу Чародея, но тот перед своей гибелью наложил на него проклятье, призванное не только не дать кристаллу завладеть его душой, но и сделать его душу своего рода стражем, охраняющим кристалл от всякого живого существа. Таким образом, волшебный камень оказался в некоей темнице, огражденный могучей магией и заброшенный вместе со столицей империи Шардра в непролазные льды Фризенхайра, куда ни один смертный из Единого мира ни за что бы не добрался. Как оказалось, таковой умелец нашелся...

Шейпли тихонько вскрикнула во сне и слегка перевернулась на бок. Дхорн вновь обратил на нее свой взгляд и постарался не думать о былом.

Куда ведет его камень? Неужто и вправду есть способ убежать от Темного, идущего за ним? Сам Дхорн в этом сомневался, но отдавать свою душу он был не намерен. Он не боялся смерти, но страх потерять душу был для него силен, так как это было чем-то намного выше всего того, что он знал и что видел.

Камень не владел его душой, так как не мог этого. Проклятие камня стало для искателя приключений гарантией защиты, ибо его душой распорядилась воля Чародея и ничья другая.

Проведя в измышлениях разного рода еще несколько часов, он и сам не заметил, как впал в дрему, быстро перешедшую в сон. Не спать совсем было невозможно. Но всякий раз, засыпая, он давал наводку своему призрачному преследователю. Дхорн, конечно же, не мог этого знать, но все-таки о том догадывался.

Ночь уже доживала свои последние часы, готовясь дать место новому дню. Вокруг шептали деревья, потревоженные поднявшимся ветерком. Если бы не пять изувеченных тел чуть поодаль от привала спящих мирным сном путешественников, то картина была бы весьма умиротворяющей. Но, жаль, спокойствие теперь надолго оставило этих двоих. Впереди у них еще больше тревог и волнений. Во всяком случае, у одного из них. Или, если быть точным, у одной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.